

О семиотических основаниях количественных различий

***Аннотация.** Количественные показатели употребительности повторов-усилителей, а также особенности их вербальной структуры являются весьма надёжными факторами идентификации гендера говорящего субъекта, позволяющими, хотя и с некоторыми оговорками и допущениями, в большинстве случаев (80%) адекватно определить гендер. Привлечение данных о фонетических созвучиях, возникающих в просодической структуре повторов-усилителей, способствует значительному упрочению семиотических оснований гендерной стратификации повторов, что позволяет сделать вывод о сложном характере гендерно-специфической семиотики фрагментов, содержащих в своём составе повторы-усилители.*

Данная специфика является результатом совместного действия ряда факторов, а именно: контекстных или фоновых знаний о количественных показателях частотности данных повторов, особенностей их вербальной структуры и несильно, но регулярно проявляющейся специфике фонетических созвучий, возникающих в актах реализации исследуемых повторов в подлинном говорении.

***Ключевые слова:** повтор-усилитель, частотность, фонетическое созвучие, идентификация, гендер.*

***Abstract.** Frequency of occurrence of intensifying repetitions of words as well as their lexical and grammatical structure are quite reliable factors for identification of Gender of a speaking subject. They prove effective in about 80% of cases, though with quite a number of reservations. Another factor that works here is that of phonetic consonance, revealed in the sound or prosodic structure of intensifying repetitions of words, which is slightly but regularly Gender specific too. So, the semiotic foundations for Gender identification of intensifying repetitions in authentic talking is characterised by complexity, resulting from joined contribution of several factors, namely: contextual or background knowledge of quantitative characteristics of their probable occurrence in talking, specialties of their lexical and grammatical structure and Gender specific phonetic consonances coming up in the manifestation of intensifying repetitions in authentic talking.*

***Keywords:** intensifying repetition of words, frequency, phonetic consonance, identification, gender.*

В самом общем приближении текст представляет собой связную и полную последовательность знаков [1, с. 822], которая отсылает нас к неким смыслам. В перечне транслируемых текстом значений обнаруживаются и те, которые маркируют и гендерную идентичность его автора или персонажей, если их вербальное поведение адекватно зафиксировано в тексте.

Как же маркируется в тексте его гендерная составляющая? Анализ литературы показывает, что весьма значимыми являются показатели относительной частотности употребления тех или иных языковых средств. Более или менее высокие показатели трактуются как несомненный знак гендерной предпочтительности. Иными словами, гендерная маркированность самым непосредственным образом связана с контекстом, ибо показатели частотности как раз и отсылают слушателя или читателя к его фоновым знаниям, одной из составляющих которых является осведомлённость языковой личности о гендерной специфике количественных показателей употребительности тех или иных языковых средств. Встреча с такими средствами в тексте неизбежно трактуется сквозь призму фоновых или контекстных знаний об их употребительности в актах коммуникации.

В качестве примера можно привести данные о количественных показателях реализации так называемых повторов-усилителей или интенсифицирующих повторов типа *по-по, го-го, конечно-конечно, так-так!* [2].

Исследователи русского языка отмечают, что такие повторы используются как средство усиления интенсивности действия или признака. Кроме того, они могут употребляться для акцентирования длительности, многократности действия [3, с. 182], например: *просишь-просишь, стараешься-стараешься*.

Б.Н. Головин считал правомерным даже допустить в русском языке существование особого грамматического значения усиительности, которое выражается в повторении слова, обозначающего усиливаемый признак [4, с. 143], например: *Я его чуть-чуть узнал*. Наш сопоставительный анализ данных реального говорения в четырёх культурах: русской, белорусской, американской и английской позволил заключить, что допуск Б.Н. Головина справедлив также и в отношении белорусского, английского и американского языков, хотя в каждом из них, особенно в двух последних, повторы-усилители могут иметь заметную культурную специфику реализации: *I know-I know, I see-I see-I see, I will-I will*.

Во всех культурах (русской, белорусской, английской, американской) повтор-усилитель реализуется в одном интонационном контуре и представляет собой определённую интонационную целостность, в составе которой все конституирующие её слова произносятся на одном усилии, как одна единица.

Наше исследование употребления повторов-усилителей позволило получить результаты, убеждающие, что такие повторы, по показателям частотности могут быть в зависимости от своей разновидности как гендерно специфическими,

так и общими. К последним относятся достаточно тривиальные повторы. Некоторые из которых фиксируются даже в словарях как особые лексические образования: *еле-еле*, *много-много* и т.п. Но существует также и множество других повторов, частотность употребления которых оказывается заметно связанной с определённой гендерной идентичностью языковой личности.

Таковыми оказались

- трёх и более кратные повторы слова в составе одного интенсифицирующего образования;
- включение в состав повторов усилителей слов в диминутивной или превосходной форме (*малы-малюсенькі*, *зелёный-презелёный*);
- удлинение гласных в словах, входящих в повтор-усилитель;
- редупликация согласных;
- нетривиальные двукратные повторы.

Основной мотив, проецируемый повторами-усилителями и выделяющий их среди других разновидностей повторов, состоит в коннотировании созначений близости, сокращения дистанции, а совместно с диминутивной формой повторяемых слов или слов в непосредственном окружении, ещё и теплоты, соучастия, например:

Хорошенького-прехорошенького денёчка тебе, лапка!

Любопытно, что в мужском говорении изредка встречающиеся повторы-усилители такой разновидностей имеют созначения иронии, подтрунивания, даже уничижительности. Как уже отмечалось во всех сопоставляемых культурах идентифицирующий повтор представляет собой определённую интонационную целостность, воплощается в одном интонационном контуре и посему воспринимается как целостное образование.

Тщательный перцептивный анализ зарегистрированных нами повторов-усилителей показал, что особенности их фонетической реализации имеют определённую гендерную специфику. В женском воплощении такой повтор зачастую характеризуется высоким или повышенным уровнем тона, особенно в перечисленных нами разновидностях. Кроме того, возможны удлинения гласных в ударных слогах, способствующие коннотированию созначений эмоциональности, некоторой возбудимости. В мужском говорении интенсифицирующие повторы, как правило, реализуются в пределах среднего, нейтрального уровня. Отступления от данной тенденции в нашем материале наблюдались только в эпизодах подтрунивающей имитации женского говорения или во фрагментах высмеивания, иронии. В последнем случае могли наблюдаться удлинения гласных, а не только более высокий уровень реализации повтора в целом. Кроме того, в мужском говорении зафиксированы случаи акцентированного, пролонгированного произнесения согласных, особенно если коннотировались созначения гнева, неприятия, утешения.

Обычно лингвисты ограничиваются констатацией отличающихся показателей частотности, считая их достаточным доказательством значимости рассматриваемого ими явления. Казалось бы, что правомерно согласиться с данным подходом, ибо количественные показатели, по сути, являются средством перевода любого языкового факта в фоновые, контекстные знания, которые и позволяют осуществлять в дальнейшем интерпретацию новой информации. Тем не менее, результаты нашего перцептивного анализа позволяют предположить, что непосредственным поводом для включения или привлечения фоновых, контекстных знаний служит всё-таки какое-то формальное основание, некоторые материальные характеристики воспринимаемого сигнала, то есть определённый знак. В нашем случае таковым правомерно считать некоторую специфику воплощения целостного интонационного контура, каковым с фонетической точки зрения является повтор-усилитель, а именно: определённый уровень его реализации, акцентирование или пролонгирование согласных, а также те фонетические созвучия, которые приносят в поток речи уменьшительные суффиксы или знаки превосходной степени, могущие быть использованными в актах редупликации какого-то слова в составе повтора.

Именно данные особенности организации звучания в пределах интенсифицирующих повторов превращают их в те сигналы, которые позволяют строить семиотические основы гендерных стратификаций в языке. То есть мы полагаем, что интонационно-сегментная целостность или определённый фонетический звуковой образ, соответствующий таким повторам, некое созвучие и есть тот сигнал, который включает фоновые знания, подсказывающие значимость информации, образованной количественными показателями их реализации в предшествующем, контекстном опыте говорящего субъекта.

Уточнение правомерности сделанного нами предположения было целью нашего перцептивного эксперимента, направленного на установление того, насколько адекватно устанавливается гендерная идентичность говорящего субъекта только по фрагментам текста, содержащих усиливающие повторы. Такие фрагменты предъявлялись в письменном виде, чтобы исключить фактор голоса. Кроме того, для эксперимента отбирались только фрагменты, не содержащие другие знаки гендера: личные окончания, местоимения, имена собственные.

Всего для анализа было представлено 20 фрагментов, 4 из которых содержали общеупотребительные повторы-усилители. Двое из них были взяты из мужского говорения, два других из женского:

Еле-еле дошли.

Всё только-только начиналось.

Четырнадцать фрагментов содержали повторы-усилители, по нашим данным, чаще встречающиеся в говорении представителей того или иного гендера:

– Всё-всё-всё! Всё-всёшеньки!

- *Пошёл-пошёл! Что стал?*
- *Да-а! Вкусенький-вкусенький! О-очень хороший.*

Для участия в эксперименте были приглашены информанты (5 мужчин и 5 женщин) от каждой из анализируемых культур (русской и белорусской). Все информанты были с высшим образованием, двое в каждой группе имели техническое образование, 3 гуманитарное (историк, литератор, лингвист). Информантам было предложено определить гендерную идентичность говорящего субъекта, пользуясь следующей шкалой выбора:

- женское говорение;
- мужское;
- возможно и то, и другое;
- затрудняюсь ответить.

Опрос 20 информантов, пяти мужчин и пяти женщин в русской и белорусской культурах, позволил получить 400 ответов. Только 24 из представленных ответов соотносились с вариантом, обозначенным у нас как «затрудняюсь ответить». В 51 случае информанты допускали возможность любого варианта, в нашем эксперименте обозначенного как «и то и другое». 325 ответов соотносились с идентификацией какого-то гендера. Гендер, таким образом, устанавливался почти в 80% случаев. Существенными тем не менее представляются данные о степени однозначности ответов. Без каких бы то ни было допусков и сомнений выбирался только вариант «затрудняюсь ответить», встретившийся 24 раза в наших опросных листах. Три другие варианта ответов оказались со всевозможными допусками и оговорками в подавляющем большинстве случаев.

Всего мы получили 42% однозначных ответов, все другие были сделаны в предположительной форме. Типичными допусками были: *вероятнее, мне кажется, на мой взгляд, чувствую, скорее, думается, (как) будто бы, вроде, как бы, возможно, я понимаю, кто его знает, но считаю, что; полагаю*. Предположительными, таким образом, оказались 58% всех ответов. Стопроцентным было только пожелание, практически, всех информантов послушать звучание предлагаемых для рассмотрения фрагментов. Причём, в ряде случаев весьма эмоциональное и эмфатическое.

Данное пожелание, на наш взгляд, оказалось весьма значимым, хотя и неожиданным результатом нашего эксперимента. Информантам, по сути, требовался звуковой образ представленных им на рассмотрение фрагментов. Их контекстные знания, таким образом, не ограничивались только количественными показателями употребительности тех или иных вербальных образцов, но включали также и определённые фонетические образцы их реализации в устной речи. Именно они оказались той необходимой семиотической информацией, которой недоставало информантам в 58% эпизодов нашего эксперимента для однозначного ответа и, скорее всего, в 20% других выборов.

Правомерным поэтому представляется сделать следующий вывод. Данные о вербальной форме повторов-усилителей и контекстные, фоновые знания об их встречаемости в актах говорения должны быть дополнены семиотически значимой информацией о фонетических образах или созвучиях, возникающих в актуальной реализации повторов-усилителей в реальном говорении. Или, иными словами, контекстные количественные показатели употребительности интенсифицирующих повторов играют важную роль в идентификации гендера. Но они должны быть дополнены семиотикой фонетических созвучий, возникающих в реальном говорении и являющихся значимой составляющей структуры фрагментов, содержащих такие повторы.

Литература

1. Усманова, А.Р. Текст / А.Р. Усманова // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск : Интер-прессервис, 2001. – С. 822–823.
2. Путрова, М.Д. Повтор-усилитель как средство экспликации гендера / М.Д. Путрова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2022. – № 2. – С. 74–79.
3. Гируцкий, А.А. Введение в языкознание / А.А. Гируцкий. – Минск : Тетра Системс, 2020. – 288 с.
4. Головин, Б.Н. Введение в языкознание / Б.Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1973. – 320 с.